

Далом
ОКЛАХОМА

Λ
ПРИЗЕР
ЛИТЕРАТУРНОГО
КОНКУРСА
«ЛИТНЕТ»
2025

Теория
БОЛЬШОГО
СРЫВА

Палома Оклахома

Теория большого срыва

«Литнет»

2025

Оклахома П.

Теория большого срыва / П. Оклахома — «Литнет», 2025

Ой, вы тоже тут? Здрасьте! Меня зовут Ника, мне восемнадцать, и я почти умерла. Спокойно, только без драмы — это должно было случиться уже давно. Пока опухоль обнимает меня покрепче токсичного бывшего, я готовлюсь стать космонавтом. Кто знает, вдруг меня действительно ждет путешествие к звездам, двое неуравновешенных, но очень горячих пилотов и спасение пушистой цивилизации. Кстати, если вы уже прочли книгу до конца, то хоть намекните: среди всех космических просторов реально встретить нормального парня?#хвост не помеха#от ненависти до любви#треугольник с двумя пилотами#космическая академия ТГ-канал для тех, кто хочет познакомиться ближе: paloma_oklahoma

Содержание

Глава 1. Техподдержка	5
Глава 2. С прибытием	10
Глава 3. Несите слюноотсос!	12
Глава 4. Пухля	15
Глава 5. Тем временем на Земле	21
Глава 6. Депривация близко	24
Глава 7. Солнечная корона	26
Глава 8. Смывайся!	31
Глава 9. O ₂	33
Глава 10. Мой личный сорт адреналина	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1. Техподдержка

Палома Оклахома
«Теория большого срыва»

ДИСКЛЕЙМЕР

Внимание, экипаж и пассажиры «Хаос-Вектора». Перед стартом прошу ознакомиться.

Данное произведение — художественный вымысел. Все события, персонажи, организации, технологии, расы, трактовки законов, констатации медицинских состояний, а также упоминания религии служат атрибутами гротеска и применены исключительно с целью попадания в жанр юмористической фантастики. Приемы не являются руководством, консультацией или оскорблением чувств верующих.

Любые совпадения случайны и непреднамеренны. Законы физики и этики на вымышленных просторах космоса действуют по местным правилам; замечания по их работе принимаются при предъявлении действующего штампа о въезде в галактику Каппа-Зенит.

Пристегните ремни, дайте волю воображению и наслаждайтесь полетом. Просьба не пытаться воспроизводить описанное в реальной жизни.

Всегда на связи, ваш командир корабля, Вольфрам.

Глава 1. Техподдержка

Приветтики! Меня зовут Ника, мне восемнадцать, и я почти умерла. Реально, чуть-чуть осталось — я на финишной прямой. Только не подумайте, что я провожу дни, рыдая в подушку и сокрушаясь о неизбежном. У меня даже сил на это нет. Я лежу на больничной койке, окруженная медицинским великолепием: шлангами, катетерами, датчиками, приборами. Трубки тянутся от носа к аппарату, который исправно подает мне кислород, а игла в вене напоминает, что любое неверное движение может стать последним.

Я уже прошла все стадии: отрицание, гнев, торг... торт! Сточила его ночью в одно лицо, и что вы мне сделаете? Теперь, пока я добиваю считанные дни на нашей прекрасной голубой планете, мне нужно развлекаться чем-то еще. Вот анонс новой стратегии: я больше не верю в конец, я готовлюсь к началу. В мире, где ты прикован к постели и каждое движение сопровождается свистящим хрипом, остается одно — мечтать. Я настраиваюсь на переход в другое измерение, где меня ждет нечто прекраснее больничной утки. Хотя, вообще, штука удобная.

Толкаю эту речь родакам. Губы пересохли, голос сипит так утробно, что меня можно брать на озвучку хорроров. Но, о чудо, они вдохновились. Улыбаются, правда, со слезами на глазах, но все равно сработало!

Я никогда не была стандартной. Даже в детском отделении хосписа, где все пациенты выглядели истощенными и бледными, я выделялась еще большей прозрачностью. Волосы у меня белоснежные, но не от краски, а от природы — седые. Глаза разные: один насыщенно-янтарный, как свежий мед, а другой серый, будто пепел из потухшего костра. Люди часто говорят, что видят во мне призрака. Скоро я стану им официально.

Сквозь всю грудь тянется тонкий шрам, четко проходящий по сердцу. Он немного воспалился от постоянного контакта с фиксирующей повязкой, но это не такая уж и большая цена за возможность дышать. Родители никогда не могли объяснить, откуда шрам взялся, но уверенно связывали с ним все мои невзгоды. Они считают, что в роддоме случилось что-то непонятное, и врачи скрыли ошибку.

А, кстати, мое полное имя должно было быть Николь. Красивое, правда? Вот только в ЗАГСе того злополучного роддома ошиблись еще разок, и вместо Николь моя мама получила дочку по имени Никель (никель (Ni) — это химический элемент с атомным номером 28, входящий в периодическую таблицу. — Прим. ред.). Никель Менделеева! Угар, согласитесь? Мечты утрачены, действительность глумится, но я не унываю: я ходячая химия! А как говорил великий Дмитрий Иванович: «Это не просто наука о веществах, это наука о мире». Я — целая вселенная! Ну вы поняли. Подмигиваю вам и ржу от собственной глупости. Опять разговариваю сама с собой.

У меня образование на сердце — редкий случай, который даже врачи привыкли называть «аномалией». Цепкая опухоль. Она растет медленно, годами никак себя не проявляя, а затем пробирается к главной артерии и перекрывает поток крови. Иногда я представляю, как она сидит там: одинокое, неведомое существо. Я — последнее, что у нее осталось, и она все крепче стискивает мое сердце своими крошечными ручками. Честное слово, кажется, зла она мне не желает! Я дружу со своей опухолью и мило зову ее Пухлей.

У меня есть еще одна подруга. Только, в отличие от Пухли, живет она не в сердце, а в голове. В детстве я пыталась рассказать родным, что у меня в подсознании кто-то сидит. Благо все решили, что у меня богатое воображение. Когда стала постарше, поняла: раз шизофрения вреда не приносит, то и язык лучше держать за зубами. Финал уже не за горами! Какой смысл лишний раз тревожить близких?

Так и живем, двое: я и моя тень. Чтобы не путаться, себя я называю Ника. Она же — Никель. Не просто голос в голове, а настоящий соратник. Когда я училась писать, она подсказывала, куда поставить нужную закорючку. Когда решала задачи по математике, она заставляла смотреть на уравнения под другим углом. Потом случились победы на олимпиадах и выступления на онлайн-конференциях. Я сидела за компьютером, погруженная в статьи о поиске лекарства от рака, а она упорядочивала мысли, помогала выстроить логику и расставляла акценты. Благодаря ей моя речь на медицинском форуме звучала так, будто я не подопытная умирающая девочка, а полноценный участник дискуссии. Она знает о мире больше, чем кто-либо, и хранит тайны, до которых земляне еще не доросли. Всем бы такую шизофрению! Круто, правда? Хоть с чем-то повезло!

В общем, хуже, чем умереть от болезни, которая медленно стирает тебя с лица Земли, может быть только одно — видеть, как умирает твой ребенок. Я часто думаю об этом, когда смотрю на своих маму и папу. Они пытаются держаться, быть сильными ради меня, но их взгляды давно перестали быть живыми. Это разбивает мне сердце: оно болтается там, внутри, как мертвый груз или... драгоценный камень? Интересно, а после смерти получится забрать его с собой?

Мама может сидеть рядом всю ночь, не смыкая глаз. Она думает, что я сплю, но я слышу все: робкие молитвы, приглушенные всхлипы. Потом наступает тишина — долгая, тяжелая, наполненная болью, которую, кажется, уже нельзя сравнить даже с моей. Это безмолвие звучит оглушительнее самого отчаянного крика.

Папа другой. Он никогда не показывает слезы. Вместо этого он тщательно отбирает ржачные «тик-токи», и мы вместе покатываемся со смеху. А еще он каждый раз покупает мне новые онлайн-курсы по химии или астрофизике. Почему-то он считает, что эти знания крайне важны там, куда я отправляюсь.

— А вдруг на том свете что-то пойдет не так, — говорит он с серьезной миной, — и ты окажешься в аду! Физика поможет тебе все рассчитать и выбраться. Ну, или хоть потравишь чертей какой-нибудь гремучей смесью.

Я фыркаю со смеху:

— В аду? — приподнимаю бровь. — Ну, справедливо. Только вспомни, сколько раз я обваливала районный вайфай, чтобы убрать конкурентов и выиграть «Кибер-Олимпиаду».

В аду мне наверняка уже зарезервировали VIP-ложу с отдельным котлом и персональными вилами.

— Я, кстати, думаю, в потустороннем мире технологии тоже идут вперед. Там давно уже не вилы, Ника. У них, наверное, японские кресла с вживленными в сиденье нейроиглами, которые подключаются к твоим воспоминаниям. Пытаешься встать, а они начинают крутить видео твоих самых нелепых моментов из жизни.

— И чтобы выбраться, придется пройти семь кругов капчи (капча — это автоматизированный тест, который проверяет пользователя сайта: человек он или робот. — Прим. ред.) — той самой, которую разгадать невозможно.

— Ужас, дочь... — Папа отыгрывает приступ паники и вытирает с лица импровизированный пот. — Надеюсь, у них есть техподдержка.

— Ага! Жалоба Господу Богу! И он такой: *«Извините, Ад не в моей юрисдикции. Ваша жизнь завершена. Пожалуйста, оцените обслуживание»*.

В такие моменты я не знаю, что больше помогает мне: его вера в продолжение бытия или этот нелепый юмор. Как родители справляются? Каково это — знать, что твой ребенок уходит, а ты ничем не можешь ему помочь?

Сводный брат. Ох, Боря, мой личный взрыв сверхновой — яркий, разрушительный и совершенно незабываемый. Безлимитную подписку на нервный срыв заказывали? Я — нет, но родители все равно установили над Борей опеку, когда мне было тринадцать. На пороге переходного возраста! О чем они только думали?!

Все в нем казалось чужеродным, будто он явился из параллельной Вселенной. Надо признать, Боря совсем не выглядел как подросток! Абсолютно неясно, зачем родители так усердно занимались его воспитанием, вместо того чтобы сразу отправить во взрослую жизнь. С таким видом ему впору было выплачивать ипотеку, жаловаться на налоговую и получать рассылки со скидками на ортопедические матрасы. Его крепкие мышцы и не по годам глубокие взгляды на мир только смущали меня и сбивали с толку.

У Бори густые черные волосы, которые никогда не лежат как надо. Всегда чуть взъерошенные, они падают на лоб и закрывают красивое лицо с прямыми линиями и резко очерченными скулами. Но стоит ему привычным движением смахнуть челку рукой, и можно беспрестанно любоваться его взглядом.

Глаза карие, внимательные, без излишней эмоциональности. Он не станет прожигать взглядом, не будет посылать скрытых подтекстов, но вы обязательно почувствуете, как он прикидывает, стоит ли тратить на вас время.

Например, общение со мной в его системе ценностей попадает под категорию «нерациональный расход ресурсов».

С первого дня знакомства между нами витало напряжение, а моя гениальная вторая личность вообще почему-то тупела при виде него. Никель — эта всезнающая, расчетливая, непоколебимая сущность в моей голове — начинала вести себя как зумер без вайфая: теряла уверенность и способность адекватно мыслить.

«Ого... у него бицепсы, как у атлантов... Никогда не замечала! Какое выдающееся ДНК! Интересно, если бы мы с ним завели потомство, какие бы гены доминировали?!»

— Ты там в своем уме?! — привыкла я шипеть вглубь сознания. — Мы умирать вообще-то собрались! Забыла?!

«Да-да, умираем, конечно. Но ты видишь, какие у него руки?! Они могли бы держать Вселенную, Ника. ВСЕ-ЛЕН-НУ-Ю!»

Каждый раз, когда Боря появлялся в поле зрения, Никель буквально выходила из строя. Ее аналитический ум, способный просчитывать квантовые формулы, проваливался в спячку.

Она спотыкалась в мыслях, заикалась, а в моменты, когда он говорил с нами, вообще начинала петь в голове тексты Валерия Меладзе. Помогите!

Пробуждаюсь от странного удушливого запаха, протираю глаза и вижу, как Боря стоит над моей больничной кроватью в латексном костюме: черном, блестящем, с гладкими линиями, подчеркивающими каждый изгиб его тела. Воздух в палате становится совсем влажным и пропитывается химическим составом, от которого голова идет кругом. Монитор за моей спиной отрывисто пищит, сообщая о критических изменениях показателей.

«Ника, какое на нас белье? — паникует шизофрения. — Только не говори, что панталоны нацепила!»

«На нас нет белья, Никель», — мысленно перекрикиваю ее я.

«О-о-о! Молодец, девочка! Сексуально!»

«Совсем дурочка, что ли? — огрызаюсь. — На нас подгузники для лежачих, соблазнительница ты моя!»

Я чувствую, как от этой информации вторая личность теряет дар речи или даже сознание. Сглатываю, все внутри переворачивается. Силуэт Бори в полумраке кажется еще выше, внушительнее. И этот латекс... Черный материал плотно обтягивает грудь, руки, бедра — точечные линии напоминают скульптуру Аполлона из учебников по древнегреческой мифологии. Вовремя, шизофрения, ты меня бросила! Але, где ты? Очнись!

Я делаю осторожный вдох через кислородную маску, но химический запах все равно проникает в легкие и вызывает приступ кашля. В панике я дергаю за шланг от капельницы — стойка начинает шататься, и я хватаюсь за штангу, чтобы предотвратить катастрофу.

Боря быстро наклоняется, его ладонь мягко ложится на мое запястье и приковывает к постели. Контакт с его кожей усиливает пульс, я непроизвольно вздрагиваю. Его взгляд, темный, пронизывающий, изучает каждое мое движение.

В руке Бори мерцает прибор, одного взгляда на который хватает, чтобы мои бедра инстинктивно сжались. Узкий, вытянутый, с мягкой силиконовой поверхностью и шарообразной головкой. На кончике пульсирует синий огонек. Пресвятая Вселенная, Земля в иллюминаторе! Куда, черт возьми, он собирается это засунуть?!

— Борь, ты хочешь, чтобы я раньше отчалила? — отталкиваю его, капельница летит в сторону, а на местах, где только что были катетеры, остаются тонкие струйки крови.

Боря замирает. Его лицо каменеет, словно я только что разрушила тщательно спланированный эксперимент или даже структуру реальности. Его брови чуть приподнимаются, а во взгляде проскальзывает ледяная решимость, от которой меня бросает в дрожь. Он не просто человек, рассерженный неудачей. Он стратег, который вдруг увидел, что его грандиозный план подвергли угрозе.

— Проверим твою черную дыру на вместимость?

Боря наклоняется ближе, и я чувствую тепло его дыхания. Губами он касается моего лба — проверяет температуру. Темные глаза впиваются в меня, и на миг я забываю, что надо дышать.

— Даже представить боюсь, что ты сделаешь с моим телом, когда я испущу-таки дух... — шепчу, прокашлявшись. Почему-то, вместо того чтобы позвать дежурную сестру и вытурить его из палаты, я включаю юмористку. — Слушай, а можно как-то застраховать свой будущий труп? Чтобы никто не устроил из него «учебное пособие для особо продвинутых анатомов с некронаклонностями».

Боря бросает на меня взгляд: смесь раздражения и сдерживаемого хохота.

— Очень смешно, Ника. Надеюсь, ты не вернешься из другого измерения, чтобы расквитаться со мной? — уголки губ Бори плавно приподнимаются. Это та самая улыбка, от которой вторая личность внутри обычно расцветает. Даже наше усохшее сердце пускается в пляс!

— Я найду способ добраться до тебя, поверь. Не побоюсь стать зомби, чтобы сожрать твою высокоинтеллектуальную извилистую массу! Что это еще за порнофизика? — Одной рукой я указываю на аппарат в его руках, другой опираюсь на койку, чтобы приподняться.

— Мозги мои оставь в покое: они нам еще пригодятся. Ты написала письмо папе с мамой, как я просил?

Я молча киваю в сторону тумбочки, где лежит сложенный лист бумаги.

— Отлично! Времени мало, Никель. Час пришел — надо спешить. — Пальцы Бори сильнее сжимают странный прибор, а тем временем все внутри меня холодеет. — Мне очень жаль, что ты проснулась. Во сне «испускать дух» гораздо проще. Ты все вспомнишь, когда окажешься на станции. Постарайся не умереть по-настоящему, когда будешь спасать галактику. Лохматым привет!

Он наклоняется, отодвигает сорочку и прикладывает мерцающий прибор к моей груди, прямо над сердцем. Насадка холодная, как лед. Вибрация настолько сильная, что кажется, будто волны прорвут мою кожу. Я хочу закричать, но голос пропадает.

Прибор издает громкий треск, молния ударяет прямо в солнечное сплетение, и шрам оживает: по его ветвистым каналам бегут синеватые электрические змейки. В этот момент сердце сильно сжимается, а я чувствую, как меня растаскивает на молекулы. Воздух становится твердым, а каждая клетка стирается в пыль.

Мое зрение гаснет, вместо осточертевшей палаты перед глазами вспыхивают хаотичные образы: бесконечные световые тоннели, линии энергий, проходящие сквозь меня. Они растягивают и сворачивают мое тело в причудливые фигуры. Меня словно разбрасывает по Вселенной: каждая частица теперь существует отдельно, крича при этом от боли.

«Я умираю... — кружатся последние мысли. — Столько лет он мечтал приложить к этому руку и вот, наконец, добился успеха. Небось еще и заберет себе мою комнату!»

В последний раз я чувствую, как биение моего ничемного сердца замедляется, а затем останавливается вовсе. Наступает тишина. Вселенная сжимается в одну-единственную точку, оставляя меня «нигде» и «никогда».

Космические путешественники, поделитесь со мной своими мыслями! Давайте поболтаем в комментариях##

Оцените главу, нажав на звездочки ##

А для тех, кто хочет познакомиться ближе, у меня есть уютный тг-канал:

paloma_oklahoma / Палома, не выходи из дома

Глава 2. С прибытием

Безмолвная пустота взрывается вспышкой, на меня будто обрушивается вся энергия мироздания. Вокруг закручивается огненный вихрь, искры прорезают тьму, оставляя за собой светящиеся следы. Меня швыряет в гущу этого хаоса — тело растворяется в потоке энергии, но я ощущаю, как оно вновь обретает форму: миллиарды разрозненных частиц притягиваются друг к другу. Внутри разгорается неведомая сила, электрический заряд пробегает по нервам, заставляя кожу пульсировать жаром. Мощный световой поток слепит сквозь сомкнутые веки.

Хочется сравнить это состояние с рождением звезды из первобытного хаоса. Я не существую, но одновременно ощущаю себя всем: светом, жаром, движением. И когда этот процесс достигает своего пика, я вдруг чувствую, как воздух резко врывается в легкие, наполняя их сладостью жизни. Передо мной медленно вырисовывается новый мир.

Резко распахиваю глаза, жадно вдыхаю кислород. Надо мной возвышается прозрачный купол, за которым раскинулась бесконечная звездная россыпь. Свет далеких солнц отражается от кристально отполированных металлических конструкций, заставляя пространство переливаться синими и золотистыми отблесками. Все вокруг выглядит так, будто технологии слились с искусством.

Я лежу на теплой поверхности из гладкого, почти зеркального материала. Мое тело больше не слушается меня. Каждое движение кажется чужим и пугающим. Пытаюсь пошевелиться, но мышцы откликаются дрожью, словно связь с нейронами оборвалась. Это напоминает момент, когда во сне ты вдруг теряешь опору и проваливаешься в пустоту.

Сквозь прозрачные панели стен виднеются бескрайние космические пейзажи: туманности, звезды, далекие галактики. Слышится приглушенный гул техники.

— Смотрю, и рай не отстаёт в технологиях. — Мои слова отражаются от стен и возвращаются назад.

Я пытаюсь поднять кисть и замираю. Короткий, лоснящийся мех покрывает мои руки и предплечья. Он переливается в свете звезд: такой нежный и шелковистый.

— Хр*на себе... Откуда столько шерсти? — шепчу я, разглядывая свои руки... Нет, не руки. Лапы! Щупаю мягкие, упругие кожаные подушечки и не верю глазам. Пробую пошевелить пальцами, но они двигаются так непривычно, что я просто застываю, растерянно уставившись на эти новые конечности. — Попала в рай и стала квадробером? Адуха...

— Ад, рай... Теперь какие-то квадроберы... Чем они там вообще занимаются на своей голубой планете? Неудивительно, что Землю испокон веков пытаются уничтожить! — раздаётся голос, бархатный, обволакивающий. В нём звучит сладостная ленивость, дающая понять, что его обладатель никогда и никуда не спешит.

Меня ласково пыряют каким-то шипом. Я с трудом поворачиваю шею, взору открывается картина: на двух лапах передо мной стоит прямоходящий...

— Песец! — кричу я, не узнавая собственный голос.

Его пуховые уши слегка приподнимаются, будто он услышал нечто непристойное. Черные, хищные глазки-бусинки внимательно изучают меня, оценивают. Тело, покрытое мягким серебристо-серым мехом, движется плавно и изящно, будто в танце. Узкие бедра, широкие плечи, прямая осанка. Идеально вычесанный хвост! Он едва заметно покачивает им за спиной, выдавая свое недовольство.

Облик песка вызывающе притягателен, но больше всего меня цепляет спортивный костюм цвета тиффани. Оттенок идеально гармонирует с белоснежным пухом на груди. Ну просто икона стиля! Поверх объемной толстовки плотно сидит кожаный жилет с кобурой

и металлическими вставками, которые подчеркивают его рельефную мускулатуру. По швам тянутся тонкие голографические полосы, мерцающие мягким светом.

— Лантан, отойди от нее! Шел бы проверить датчики, а не тыкал ее своими когтистыми лапами.

Привлекательного лохматика отталкивает «земная» девушка — как сказали бы у нас, альтушка. Стрижка каре, волосы сияют фосфорно-розовой вспышкой и переходят в голубой градиент. Но, судя по ее выражению лица, нежный облик обманчив — характер явно с перчинкой.

Она складывает руки на груди, наклоняет голову и придирчиво меня разглядывает.

— Выглядишь не так уж плохо для того, кто только что вывалился из небытия, — замечает она. — С прибытием! Как себя чувствуешь, пушистая жопка?

Для тех, кто хочет познакомиться ближе, у меня есть уютный тг-канал:

paloma_oklahoma / Палома, не выходи из дома

Глава 3. Несите слюноотсос!

Девушка крепко меня обнимает, а я пугаюсь и только сильнее вжимаюсь в свое лежище.

— Где я? — шепчу дрожащим голосом. — Что со мной происходит?

Улыбка девушки меркнет.

— Никель, это я, Селен! Не узнаешь меня с новой стрижкой?

Мотаю головой так резко и хаотично, что со стороны, наверное, выгляжу как дерганая психопатка. Срочно прогнать этот сон!

Надо же... сон! Значит, я каким-то образом все еще жива? А где боль? Почему я ее не чувствую? Обычно, раз в несколько минут, Пухля — верная, ненавистно-любимая опухоль — сдавливает мое сердце своими маленькими щупальцами. Она всегда дает о себе знать, сигнализирует, что, черт побери, любит меня! Но сейчас я ее не ощущаю. Вместо облегчения внутри поднимается неожиданная волна сожаления. Она была частью меня, моим вечным спутником. Шизофреники тоже не слышно. Ну прекрасно, блин! Оставили меня на произвол судьбы!

— Никель, посмотри на меня! Назови мое имя! Почему ты не выходила на связь?! — Селен срывается на крик, в ее голосе звучит отчаяние. — Весь корабль уверен, что ты предала нас.

Слова обрушиваются, как гром среди ясного неба. Но я лишь хлопаю веками, которые заметно потяжелели под весом моих новых объемных ресниц, и не понимаю, что происходит. Предала? Кого?

— Если ты продолжишь так на нее орать, то, скорее всего, получишь когтями по смазливому личику, — лениво бросает песец, прижавшись плечом к стене. Его тон раздражающе спокойный.

— Лант, — Селен резко разворачивается к нему, — мы истратили бесценные резервы, чтобы вернуть Никель на станцию. А еще — потеряли друга. Энергия ядра опустилась до критической отметки! Мы рисковали всем, а теперь... ты хочешь, чтобы я спокойно смотрела на эту притворную амнезию?! Ты представляешь, какие у нас проблемы?

— Проблема — это когда на борту академии «Хаос-Вектор» окончательно иссякнет кислород. А пока у нас просто неловкий моментик.

— Академии? — переспрашиваю я, пытаюсь ухватиться хоть за какое-то слово.

— «Хаос-Вектор»! Наш дом! — отвечает Селен, ее голос становится мягче. — Это последняя станция в галактике Каппа-Зенит, которая признает межрасовое сообщество.

— «Зенит»? Блин, а мы с папой за «Спартак»... — брежу я вслух.

— Селен, ну посмотри на нее. Она же еще не очнулась. Грезит сказками про ад, рай и почему-то астероидом 2579 (Спартак 2579 — астероид из группы главного пояса. Был открыт 14 августа 1977 года советским астрономом Николаем Черных. — Прим. ред.), — фыркает Лантан, скрестив руки на груди. — Дай ей хоть водички, что ли... Ведешь себя хуже животного!

Селен опускает взгляд, ее плечи дрожат и ссутуливаются, будто на них только что обрушился груз неподъемных проблем. Она мне не доверяет. Хорошенькое начало.

Напряженную тишину, повисшую в воздухе, разбавляет металлический гул: Лантан суетится у массивной установки, встроенной в стену. Мягкой лапкой он касается сенсора и приводит в действие механизм.

Я сажусь, пытаюсь справиться с непослушными конечностями. Мои движения слишком резкие и неконтролируемые, что вызывает у Селен молниеносную реакцию: она срывает руку с бедра, хватается за кобуру и снимает предохранитель. К моему лбу прикасается оружие — изящное и, без всяких сомнений, смертоносное.

— Хромозлектрическая пушка, — без лишних эмоций комментирует Лант, продолжая заниматься панелью. Голографические схемы мерцают тонкими линиями и напоминают пульсацию вен в живом организме.

Взведенный курок держит меня в напряжении. Ну еще бы! Одно неловкое движение, и моя новая жизнь закончится быстрее, чем пробный период на стриминговом сервисе. Но, вопреки всему, взгляд цепляется за светящиеся росинки, которые стекают по стенкам установки, наполняя резервуар кристальным сиянием. Этот процесс завораживает и даже успокаивает. Жидкость переливается, будто в ней заключено само сияние звезд. Красиво. Почти как кислотный дождь перед концом света.

Лантан подставляет сосуд под выходной клапан, и из устройства льется субстанция — сверкающая, словно расплавленные бриллианты. Я сглатываю. Хлебнуть такой воды сейчас было бы очень кстати, только нельзя забывать, что мое новое тело живет по другим законам.

Каждое движение требует сознательных усилий, даже дыхание становится задачей со звездочкой. Все время я усиленно стараюсь контролировать вдохи и выдохи, но как только открывается новая фича (фича — термин, обозначающий дополнительную функцию. — Прим. ред.) — например, слюна, — я начинаю путаться в базовых рефлексах, и мое дыхание сбивается. Легкие сигнализируют о нехватке кислорода, рот распахивается в отчаянной попытке схватить воздух, и наружу вырывается фонтан.

Селен стоит слишком близко, чтобы успеть увернуться, и вот блестящие брызги уже впитываются в ее униформу. Как в замедленной съемке, крупная капля приземляется ей на щеку и стекает, оставляя мокрый след.

Наступает тишина. Пушка все еще у моего лба. Лант, наблюдающий за происходящим с безопасного расстояния, старается не заржать, Селен медленно моргает.

— Ты... плюнула в меня? — наконец раздается ее потрясенный голос.

Лантан сгибается пополам от смеха. Его плечи трясутся, хвост подрагивает, а уши дергаются в такт гоготу. Я замечаю, как шерсть на загривке приподнимается, словно он переживает самый счастливый момент своей жизни.

— Ты же лиса-фенек, Никель! А не верблюд! — проговаривает он, задыхаясь. — Клянусь, я видел многое, но чтобы слюной отбивались от пушки! Ой, умираю, несите слюноотсос!

— Я... я не специально! — неуверенно лепечу и опускаю ноги на пол. Новое тело подводит опять: пытаюсь встать — ага, щас! Ноги разъезжаются, и я плюхаюсь мордой в зеркальный пол.

Селен вдруг меняется в лице: в ее глазах мелькает теплый огонек, она убирает ствол и разражается смехом!

— Похоже, у тебя действительно нелады с памятью. Ты бы никогда раньше так не опозорила! Ты же у нас королева школы!

— Я — королева? Тогда почему вместо трона у меня тромб? — шучу, но никто не оценивает «земной» юмор. — Это все правда? Я уже жила здесь?

— Не жила, а живешь! Дружишь, сражаешься за правду, ведешь за собой народ! Ты всегда была среди первых в академии «Хаос-Вектор» — умная, упорная, находчивая! — воодушевляется Селен, ее голос звенит от искреннего восторга.

«Этого не может быть... Я же всего лишь мертвая девочка. Что-то здесь не сходится».

— Ну как среди первых... Вольфрам бы с этим поспорил, — лениво встревает Лант. Он подходит ближе и даже одаривает меня взглядом, в котором читается снисхождение. — В общем, слушай, Ушастая. Есть Патронум — структура, которая рвется к власти в галактике Каппа-Зенит. Галактика у нас пестрая, ее населяют разные расы, но Патронуму это не на руку. Его задача — изолировать разумные виды друг от друга и сделать так, чтобы люди жили с людьми, а астрофурии с астрофуриями.

Лантан медленно расправляет пальцы, позволяя когтям полностью высвободиться, затем чуть расслабляет кисть, и они плавно втягиваются обратно. Похоже, он на своем примере демонстрирует мне, кто же такие астрофурии. Я стараюсь повторить трюк с когтями, а Лант продолжает:

— Патронум жаждет разделения, чтобы не происходило обмена знаниями. Без науки нет прогресса, а без прогресса проще управлять подданными. Старо как мир: разделяй и властвуй.

Он на секунду делает паузу, а потом добавляет, чуть по-собачьи склонив голову набок:

— Кстати, не в первый раз такое провернули. В галактике Млечный Путь был похожий случай: у динозавров отобрали их родную планету. Землю адаптировали под новый вид примерно за 65 миллионов лет, а потом с фанфарами передали новым жильцам — людям.

Я моргаю.

— Ты сейчас серьезно?

— Абсолютно, — ухмыляется Лантан. — И поверь, динозавры были куда гуманнее своих кожаных преемников.

Мой мир переворачивается с ног на уши, в которые я тут же вцепляюсь лапками! И только сейчас осознаю, какие они огромные. В этом теле каждое движение — новое открытие. Мои уши, большие и заостренные, кажутся настоящими локаторами, улавливающими малейшие колебания звуков. Я почти чувствую, как по ним пробегают невидимые волны, словно кто-то настраивает меня на нужную частоту.

Взгляд блуждает по помещению, пока я не замечаю свое отражение в стекле. И вот тут мозг уже окончательно зависает. мех повсюду! Шелковистый, ухоженный, с серебристым отливом, он покрывает все мое тело. Шерстка на груди особенно мягкая, то и дело она застревает в молнии моего космического костюма.

Ой, мамочки! Хвост! И, судя по всему, не абы какой, а настоящий предмет гордости. Роскошный, пушистый. Похоже, в этой школе он был неотъемлемой частью моего образа. Он не просто украшает меня, он — продолжение моей души. Стоит мне чуть повернуться, и хвостик мягко изгибается. В этом новом теле есть не только сила, но и грация.

Я прищуриваюсь, осторожно шевелю кисточкой — хвост опережает мысли. Эй, у меня что, теперь есть дополнительная часть тела для выражения эмоций? Неплохо. Новая я смотрит сквозь отражение. Она пока что чужая, но нам придется поладить.

Не для печати: где в космосе взять шампунь от блох?

Космические путешественники, поделитесь со мной своими мыслями! Давайте поболтаем в комментариях##

Оцените главу, нажав на звездочки ##

Глава 4. Пухля

Селен и Лант следят за мной, дают время свыкнуться с новым телом.

— Теперь Патронум пришел и за нами, — тихо говорит Селен, с умилением наблюдая, как я не могу наиграться с собственным хвостом. — Верховные власти нашей галактики даже не попытались сопротивляться. Вместо того, чтобы защищать интересы своих народов, они сложили оружие и безропотно передали Патронуму бразды правления.

Она делает паузу, подбирая слова. В ее глазах вспыхивает ярость.

— Порабощение началось с самых маленьких общин, у которых не было ни ресурсов, ни сил, чтобы дать отпор. Постепенно Патронум укрепил влияние над Каппа-Зенит и заставил даже крупные планеты склонить головы.

Селен говорит ровно, но в голосе слышится гнев.

— Все, кто имел человеческие корни, остались жить на прежних территориях под контролем Патронума, а вас, астрофурий... — она запинаясь, будто слова застревают в горле, — вас начали собирать в кластерные лагеря, отрезая от цивилизации.

Лантан стискивает челюсти, уши дергаются в раздражении, но он молчит.

— Патронум всеми силами добивался одного — разорвать союз между людьми и астрофуриями, стереть любую возможность объединения. Те люди, кто не выдал властям местонахождение своих друзей-астрофурий, пропали без вести. Это стало последним шагом к тотальному страху и покорности.

— И я — астрофурия? — подытоживаю усвоенный материал, ощупывая чуткие вибриссы.

Селен кивает и продолжает:

— Планеты одна за другой начали перекрывать границы, но Патронум все равно увозил астрофурий в плен. Людей убедили, что это необходимо для их же безопасности. Они испугались и забыли о тех временах, когда мы боролись за общее будущее, мечтали о равноправии и свободе.

— Все так, как говорит Селен, — подхватывает Лант. Когда он серьезен, его голос, как и весь облик, внушает чувство доверия. — Одна мысль о масштабе научных открытий, на пороге которых стоял союз людей и астрофурий навевала на Патронум ужас. Это же грозило разрушить их идеальную систему контроля!

— Сила людей в умении планировать, выстраивать причинно-следственные связи, искать истину и идти на риск ради будущего. Астрофурии же живут моментом, — кивает Селен. — Вы не строите воздушных замков, не заикливайтесь на возможных опасностях. Ваш инстинкт — чувствовать пространство, решать проблемы по мере поступления, доверять телу. Прошлое не давит на вас, а воспоминания не загоняют в бесконечный круг тревог.

— Вместе мы создавали мир, где разум и интуиция не противоречат друг другу, а работают в унисон, — с ностальгией добавляет Лант, — где человеческое стремление покорять дополнялось бы нашим умением адаптироваться, где вера в будущее сочеталась бы со способностью ценить настоящий момент. Вместо бесполезных войн мы могли бы прокладывать новые маршруты во Вселенной, двигать вперед науку, технологии и культуру.

Он переводит взгляд на меня, и я чувствую, как по спине пробегает легкая дрожь.

— Патронум сделал все, чтобы люди и астрофурии больше никогда не протянули друг другу лапу помощи, — завершает Лантан.

— Академия не сдавалась до последнего, — выдавливают Селен. — Она была слишком мощным символом сопротивления, это место объединяло молодых особей всех рас. Здесь мы жили, учились понимать друг друга, создавали прочные сообщества и передавали знания, кото-

рые могли изменить будущее. Здесь мы искали способ остановить Патронум, доказать, что люди и астрофурии в состоянии не просто сосуществовать, а вместе строить цивилизацию, основанную на взаимопомощи, науке и развитии. И мы нашли решение! Саркома.

— Эта энергия отвечает за будущее мироздания, — вновь подключается Лант. Его голос звучит почти заворуженно. — Саркома — часть фундаментальной структуры космоса. На протяжении жизненного цикла поток ее потенциала неисчерпаем! В мифах и легендах ее называли бы джинном. Вот только желаний неограниченное количество, и надо уметь формулировать запрос.

— Именно поэтому ее спрятали, — поясняет Селен. — Когда-то давно эта мощь принадлежала тем, кто мог направлять ее во благо, но со временем ее начали использовать не как инструмент созидания, а как средство подавления. Тогда Высший Совет Звездных Систем принял единственно возможное решение — изолировать всю популяцию в том месте, где природа ограничила бы ее потенциал. И это место — Земля.

— Гениально. Просто блестящее решение! Конечно, пусть те земляне, кому «посчастливилось» стать «носителем», умирают в мучениях. Если это был самый безопасный вариант, мне страшно представить, какие решения ваш Совет отклонил, — возмущаюсь я.

Селен коротко вздыхает, и в ее голосе проскальзывает что-то похожее на скорбь.

— Они не могли предположить, что на голубой планете саркома окажется смертельной патологией. Здесь, на просторах космоса, она — ценный дар и верный друг. Земля казалась идеальным местом: стабильная среда, никакой угрозы извне, а обитатели до сих пор не научились использовать весь потенциал собственного мозга.

Я ощущаю, как когти непроизвольно впиваются в ладони. В голове проскальзывает воспоминание: люди в белых халатах, слезы родителей, мучительная терапия, непереносимый запах больничных палат, приглушенные голоса, обещающие, что все под контролем. Ага, как же! А тем временем у меня в груди протекает целый космический эксперимент.

Делаю глубокий вдох и выдыхаю через нос, как учил психолог. Ненавижу, что это срабатывает.

— Если бы Академия вовремя получила саркому, мы могли бы восстановить равноправие! Освободить поработанные народы и разрушить систему Патронума. — заканчивает Селен.

Лант фыркает:

— Разумеется, Патронум собрал специальный отряд для уничтожения «Хаос-Вектора» — космической станции, на которой и расположена Академия. Сейчас мы на ней. Именно отсюда началась твоя экспедиция на Землю, Никель.

Я чувствую, как по спине бежит холодок, а шерсть поднимается дыбом. Скорее бы проснулось мое второе «я»! В одиночку разгрести космическую неразбериху сложно! Селен замечает мою реакцию, подходит ближе и сжимает мою лапу.

— Никель, ты должна понять, что произошло полгода назад, когда мы расстались и ты переместилась в галактику Млечный Путь.

Я напрягаюсь, пытаюсь осмыслить услышанное. Я ведь провела на Земле восемнадцать лет!

— Подожди, как это полгода? — хриплю я. — Я выросла на Земле!

— Время — вещь сложная, — произносит Лант. — В разных галактиках оно течет с разной скоростью. Здесь, на Каппа-Зенит, прошло всего шесть месяцев. А для тебя из-за искривления пространства и гравитационного смещения при спуске время растянулось почти на два десятилетия. Это... оказалось ценой миссии.

Он делает паузу, переводя взгляд на Селен, затем снова смотрит на меня.

— Ты не должна была оставаться на Земле так долго. Это не входило в план. Кафедра астрологии академии «Хаос-Вектор» днями и ночами изучала карты звезд, просчитывала вероятность квантовых совпадений и искала земного человека с саркомой. Извлечение опухоли с помощью космических манипуляций было несовместимо с существованием носителя, и мы не хотели отбирать у кого-то драгоценную жизнь раньше срока. Мы искали ребенка, которому не суждено было родиться.

— И нашли, — тихо добавляет Селен. — Маленькая Николь Менделеева из Москвы. Все расчеты указывали на то, что она не должна была пережить собственное появление на свет. Врачи зафиксировали у нее критическую гипоксию еще в утробе, а ее сердцу оставались считанные удары. В момент ее биологической смерти планировалось активировать процесс квантовой линейной инверсии: твоя энергия должна была высвободиться и буквально внедриться в тело Николь, а далее спровоцировать обратную инверсию, забрать саркому и вернуться на станцию.

Я в шоке смотрю на новых друзей. Получается, меня не должно было существовать. Вообще. Ни в одной из Вселенных. Никогда. А мне надо сообщить, что маленькая нерожденная девочка сидит сейчас перед ними? Или пока промолчать?

— Это был уникальный эксперимент, разработанный учеными Академии совместно со старшими курсами, — Лант выдергивает меня из мрачных мыслей. — Им удалось создать алгоритм синхронизации с умирающим биологическим организмом, чтобы, по сути, заменить одну энергию, или, как говорят на Земле, душу, на другую. Тебе предстояло раствориться в тканях ребенка лишь на доли секунды, перехватить саркому в момент разрыва биоэнергетических связей и вернуться на орбиту. Все было рассчитано!

Я чувствую, как по спине пробегают судороги, а Лантан тем временем завершает мысль:

— В момент активации квантовой линейной инверсии должен был произойти мгновенный обратный переход... Но этого не случилось. Академия потеряла с тобой связь, и ты не вернулась в Каппа-Зенит. Осталась в Млечном Пути.

Ребята замолкают, предоставляя мне время переварить услышанное. Глубоко внутри еще вспыхивает пугающая мысль, что это просто безумная шутка. Сейчас эти двое снимут маски и окажутся больничными аниматорами, а весь космический антураж — всего лишь декорациями последнего спектакля для умирающей девочки. Не хочу! Как же мне нравится быть живой!

Я не должна была появиться на свет. А моя «шизофрения» оказалась самой смелой девчонкой во всем космосе. Сейчас ее друзья празднуют долгожданное воссоединение... Ох, до чего же неприятный сюрприз их ждет!

Никель планировала вернуться на станцию, принести саркому и спасти свой народ! Но вместо этого застряла на Земле. В чужом теле. В чужой жизни. В ловушке, из которой не было выхода.

Любой бы возненавидел того, кто превратил его в пленника, запер внутри собственного разума без права управлять судьбой. Любой бы злился, проклинал, ждал момента, когда чужое сердце сдастся, чтобы наконец вырваться на свободу.

Никель же помогала мне, обучала, направляла. Вместо ненависти она подарила мне все свои знания. Вместо гнева — поддержку. Она могла быть равнодушной, коварной или даже жестокой. Но нет, она оставалась истинной героиней до самого финала.

И теперь я знаю, что должна сделать! Никель не бросила меня, и я доведу до конца дело, за которое она сражалась.

Мои пальцы сжимаются в кулак, я поднимаю голову.

— Что было дальше?

Селен выдыхает, собираясь с мыслями.

— Пока мы пытались вернуть тебя, Патронум вышел на след Академии. Они вычислили траекторию «Хаос-Вектора»: когда энергия ядра используется не по основному назначению, она оставляет трейс в пространстве. Незначительный, но при правильных расчетах его можно считать.

Боевые корабли окружили школу и начали загружать студентов-астрофурий на транспортники. Забрали всех старшекурсников! Одних собирались отправить в трудовые колонии, других — в военные отряды. А ученые-астрофурии... — У Селен дрожит подбородок. — Для Патронума они самые опасные особи. Попав в плен, деятели науки исчезают без следа.

Слова Селен подхватывает Лантан:

— Наш директор, Тихон Церий, все продумал заранее. Он собрал отряд сопротивления из учащихся последних курсов — без пяти минут выпускников — и всех профессоров «Хаос-Вектора».

Лант ненадолго замолкает, будто взвешивает каждое слово.

— И ведь никто из команды, сформированной директором, не оказался предателем, ни один не перешел на сторону Патронума. Фамилия Тихона — элемент из таблицы Менделеева, символизирующий прочность и устойчивость — черты, которые он личным примером воплощал для каждого из нас.

Имена на Каппа-Зенит — роскошь, их можно встретить только у иммигрантов, прибывших из далеких галактик, остальным же при рождении присваивают порядковый номер. Однако, вопреки этому устою, студенты, оставшиеся на борту Академии, взяли себе позывные, связанные с элементами периодической таблицы. Это не просто дань уважения, это наш способ сохранить идеалы Церия живыми, даже когда его самого нет рядом.

Селен поднимает взгляд. Ее глаза блестят, но она не плачет, а продолжает рассказ:

— Конвоированные астрофурии — наши лучшие атлеты — устроили диверсию внутри транспортников Патронума. Таков был план, и это дало нам время. Педагоги приняли бой. Это была не схватка грубой силы, не проверка оружия на прочность, а манифест разума и знаний. Небольшой отряд профессоров и их выпускников не побоялся оказать сопротивление профессиональным бойцам. Это пробуждало надежду. Но когда битва разгорелась с новой силой, Церий отдал последнее указание: отстыковать «Хаос-Вектор» и передать штурвал студентам.

Управляет полетами Вольфрам. Он всего лишь третьекурсник, но уже исполняет роль капитана! А еще он типа... ну твой бывший! Его точные маневры спасли нас, когда мы едва успевали уйти от преследования. Он действительно чертовски талантливый пилот... Но характер! Никель, что ты в нем нашла?

— Селен, мы тут, между прочим, о высоких материях, а ты опять об ухажерах. — Лантан скрещивает руки на груди и ухмыляется. — Ты как погнутая антенна: вносишь помехи в трансляцию! Прими как есть, Ушастая, теперь на борту обитают только младшие курсы. Без кураторов, без их поддержки. Повстанцы — профессора и выпускники — пошли в бой, а мы взяли на себя Академию: управление системами, ремонт повреждений, но главное — защиту ценностей и веру в единство рас.

— Повстанцы погибли? — шепчу я и чувствую, как в грудь врывается ледяной вихрь.

— Мы не знаем, чем закончилась битва, — отвечает Селен, — выжили ли наши учителя, уцелел ли директор. Связь намеренно оборвали, чтобы Академия смогла исчезнуть в бескрайних просторах галактики. Вот уже полгода мы живем по заветам наших наставников. Мы восстановили разрушенные системы, замели все следы и неустанно учимся, следуя курсу, который профессора оставили нам в зашифрованных архивах. Поначалу ты, Никель, стала символом надежды для всех нас. Студенты Академии были уверены, что ты выжила при переходе на Землю. Ты всегда была самой сильной, ловкой, хитрой!

В груди неприятно колет от ожидания того, что Селен скажет дальше.

— Но шли дни, недели, месяцы, и стало понятно, что ты не вернешься. Обитатели «Хаос-Вектора» решили, что Земля со всеми ее прелестями и соблазнами стала для тебя новым убежищем, а мы — опасным прошлым, которое хочется забыть.

Были и те, кто верил в обратное. Борий — наш с тобой лучший друг и один из самых выдающихся инженеров, воспитываемых на «Хаос-Векторе», — он не сомневался в тебе ни секунды. Он был уверен, что ты борешься, что что-то пошло не так! Несмотря на то, что сам он просто человек, без врожденной силы астрофурий, у которых шанс выжить в процессе квантовой линейной инверсии в десятки раз выше, он решился повторить неудавшийся эксперимент и спуститься за тобой на Землю. Разница лишь в том, что он не мог переправить энергию, как ты. У него был только один вариант — подвергнуть инверсии свое тело.

Мы все знали, что это безумие. Мы видели, как его тело ломалось от перегрузок, как хрупкая оболочка человеческого организма пыталась выдержать давление межпространственного скачка. Но Борий справился. Он знал, что даже если ему придется остаться там, его миссия — вернуть на станцию нашего лидера, а вместе с тобой, Никель, и самый мощный источник энергии во Вселенной — саркому.

Я представляю, как Боря сражается с невообразимым натиском давления и противостоит законам космоса. Мое сердце должно сжиматься от боли. Почему этого не происходит?! Где моя бесценная опухоль?

— Пухля! — вскрикиваю я, хватаюсь за грудь и сжимаю область сердца. — Почему я больше не чувствую ее?

Сенсорные двери не успевают полностью разъехаться, когда в проеме появляется высокая фигура волка. Широченным плечом он толкает дверную панель, которая чуть не разлетается в щепки. Его шерсть, колючая, грубая, с темными полосами, приподнимается на загривке.

Симпатичную морду исполосовали шрамы. Они не уродуют, наоборот, добавляют характера. Одна отметина рассекает бровь, другая тянется вдоль челюсти, а самая длинная уходит под воротник капитанской униформы, так и подначивая спросить, в какой именно момент его жизнь пошла не по плану.

— Это не Никель! Нутром чую! — рык, похожий на раскат грома, сотрясает стены. — Кто ты такая?!

Не успеваю даже моргнуть, как сильная лапа хватается меня за шкуру и поднимает в воздух.

— Ай! — визжу я, размахивая в воздухе грациозным хвостом, словно белым флагом. — Сейчас же опусти меня на землю, псина вонючая!

— Вольф, что ты делаешь?! — вступается Лант, но тут же получает два последовательных удара в солнечное сплетение, отчего сгибается пополам.

Селен снова щелкает затвором, но теперь пушку наводит на Вольфрама.

— Знаешь, куда я тебе сейчас ее засуну? Сложить оружие, это приказ капитана! — Волк даже усом не ведет в ее сторону. словно плюшевую игрушку, он перекидывает меня из одной лапы в другую, чуть наклоняется и медленно обнюхивает.

Его дыхание горячей волной обрушивается на чувствительную кожу на ушках, пробирается сквозь тонкие ворсинки меха. Я замираю, внутри медленно разливается вязкое, раскаленное напряжение. Срабатывает первобытный инстинкт — древний, глубинный, вплетенный в саму природу моего нового тела.

Вольфрам вдыхает глубже, задерживает воздух, словно хочет запомнить мой запах. Его нос касается моей шеи, свободная рука неспешно скользит вдоль ключицы. Жар его прикосновений обжигает сильнее, чем любой электрический разряд. По коже прокатывается волна мурашек, дыхание сбивается, срываясь на едва слышимый стон. Сердце стучит слишком быстро.

Напряжение внизу живота превращается в плотный узел. Я чувствую, как по спине пробегает горячая волна, а пальцы едва заметно подрагивают. Меня очень пугает реакция тела: оно отвечает на каждое прикосновение, будто это естественно, будто ему это нравится.

Вольфрам раздраженно ухмыляется, едва заметно приподнимая уголки губ. Рука сильнее сжимает мою шкуру, когти впиваются в кожу — не больно, но так, будто он хочет удостовериться, что я действительно состою из плоти.

— Ты. Не. Никель. — Вольфрам сжимает пальцы, и моя кожа болезненно натягивается. — Волчье чутье никогда меня не подводит!

На миг он задерживается, как будто хочет сказать что-то... Но вместо этого резким движением отбрасывает меня на холодный пол. Воздух вырывается из легких, запоздалый протест застревает в горле. Кожа, еще мгновение назад плававшая от его прикосновений, теперь будто замерзает, и этот контраст только сильнее выбивает из равновесия. Я должна злиться, но почему-то в груди расплзается странная пустота.

Только между нами: мое тело хочет, чтобы он схватил меня снова.

Для тех, кто хочет познакомиться ближе, у меня есть уютный тг-канал:
paloma_oklahoma / Палома, не выходи из дома

Глава 5. Тем временем на Земле

Боря

Я сижу на измятой больничной простыне, прижимая к себе человеческое тело, которое служило Никель временной земной оболочкой. Да, внешность изменилась, а воспоминания затерлись, но Ушастая все равно осталась собой.

Измученная болезнью фигура выглядит умиротворенной и как никогда полной сил. Кажется, жизнь вот-вот ворвется обратно. Но ведь не должна... Все уже сделано. Устройство штатно отработало и перенесло энергию неугомонной астрофурии домой, на «Хаос-Вектор» — последний островок мира в галактике Каппа-Зенит. Там Никель должна вспомнить все, а верные друзья ей с этим помогут.

Я перебираю в голове расчеты. Линейная инверсия — процесс сложный, нестабильный, завязанный на сотни тончайших параметров. Мы знали о рисках, готовились к перегрузкам, к потере связи, даже к тому, что после перехода потребуется время на восстановление ресурсов. Но утрата памяти была исключена, ведь воспоминания астрофурии встроены в саму структуру ее энергии.

Я провожу пальцами по волосам Никель, вдыхаю запах, который теперь кажется самым родным.

— Я люблю тебя, — ухмыляюсь и шепчу то, что хранил в сердце годами: земными и световыми. — Прожить с тобой этот короткий миг на голубой планете было настоящим чудом.

Готово. Признался в любви девушке, которая навсегда растворилась в глубинах космоса. А я хорош!

Во всей Вселенной не сыскать закутка, где мы могли бы быть вместе: я — человек, она — астрофурия. Природа наших чувств подчиняется разным законам. Там, среди звезд, мы можем дружить, доверять друг другу, сражаться за правду и развивать науку, но быть вместе — никогда. Астрофурии не испытывают любви к людям. Преданность — да! Привязанность — абсолютно. Но не любовь. Так говорила не только логика. Так говорила она.

Я замечаю, как уголки ее губ приподнимаются. А вот и галлюцинации! Неудивительно — последние недели я почти не спал, работая над инвертором. Дни и ночи, проведенные в самодельной лаборатории, слились в один сплошной калейдоскоп вычислений.

Пять земных лет назад я спустился за Никель, сумел спастись, и с тех пор моя жизнь была подчинена одной цели: доставить астрофурию на «Хаос-Вектор». Я изучал чертежи, конструировал модели и разрабатывал технологии, используя при этом лишь земные ресурсы. У меня не было доступа к редким изотопам, плазменным реакторам и топливу нулевой точки — приходилось искать обходные пути, изобретать то, что казалось невозможным в земных реалиях. И я был уверен, что у меня получилось!

Поэтому сейчас, когда передо мной лежит улыбающаяся Никель, а ее щеки окрашивает румянец, на ум приходит только одно объяснение: ошибка 404. Вселенная зависла и не успела обработать мой запрос?

Она дышит. Ее веки дрожат, глаза — янтарный и серый — изучают мое окаменевшее лицо. Это невозможно! Это против всех законов мироздания! И все же ее глаза сверкают знакомым лукавым огоньком.

Внутри меня что-то разрывается, и я не могу понять, сердце это или разум.

— Никель?! — Мой голос срывается, дрожа от паники. — Что за?! Устройство должно было вернуть тебя на Каппа-Зенит! Что я сделал не так?!

Она пытается улыбнуться шире и тянется ко мне так настойчиво, словно только что не пережила расщепление на атомы. Руки обвивают мою шею, и, прежде чем я успеваю понять,

что происходит, ее губы прижимаются к моим. Горячие, требовательные. Ее язык скользит внутрь, не оставляя мне возможности продолжить сбивчивый монолог. Это поцелуй, которого я ждал всю жизнь, да только ему не суждено было сбыться.

Я тяжело дышу, отстраняюсь и пристально смотрю ей в глаза.

— Никель, объясни, что произошло! Как ты? — проверяю ее пульс.

Она улыбается, в глазах вновь проскакивает лисье плутовство.

— Борий, ты хоть представляешь, что значит торчать в умирающем теле восемнадцать лет?! И последние пять — сохнуть по твоей человеческой физиономии! — Никель прищуривается, ухмыляется, а в голосе скользит легкая хрипотца, в которой угадывается нетерпение. — Больше не собираюсь терять ни секунды!

Она не дает мне ответить — просто тянется вперед и целует снова. А потом, едва отстранившись, с лукавой улыбкой выдыхает:

— Снимай штаны!

Я моргаю, пытаюсь осознать услышанное. Она тянется руками к моей ширинке.

— Стоп, стоп! — Сам не могу поверить, что произношу это вслух. — В смысле торчать в чужом теле? Что ты имеешь в виду?

— После инверсии в этом теле нас оказалось двое. Энергия астрофурии, заключенная в человеческую оболочку, не позволила ребенку умереть! Девочка выжила, и из-за этого обратный переход не сработал. Инверсия возможна только при высвобождении энергии из уже неживого тела, а ее сердце продолжало биться. Так мы и жили с Никой, как два скупых пользователя в одном платном аккаунте.

В горле застревает ком. Это не просто теория — это реальность! Я подобрался близко, но так и не смог расшифровать этот код.

— Ты не узнавала меня, и я решил, что при спуске на голубую планету ты потеряла память!

— Нет, не потеряла. Просто не могла подать голос. А теперь мы с землянкой поменялись местами. Вместо моей энергии прибор утащил в космос ее душу.

Мое дыхание перехватывает.

— Я все испортил. Подвел всех, кто так на меня рассчитывал! Ты поражена заемной болезнью... Патронум захватит «Хаос-Вектор»... А сущность человеческой девочки расщепило на атомы!

— Я чувствую, что саркомы нет внутри. — Голос Никель звучит отрешенно. Будто не открывает долгожданную истину, а зачитывает смертный приговор. — Восемнадцать земных лет опухоль питалась моей энергией, что сделало ее уникальной в своем роде. Теперь на борту «Хаос-Вектора» самая мощная сила, которую когда-либо знал космос, и девчонка, которой дали второй шанс...

Слова, произнесенные столь беспристрастно, пронзают меня насквозь: она говорит так, словно не верит собственным выводам. Но почему?! Это же лучшее, что могло случиться!

Я любил Никель всю жизнь, но знал, что мы из разных миров. А теперь она здесь, живая, настоящая, в человеческом теле! И она сообщает, что мы дали нашим друзьям шанс на светлое будущее! Может ли день стать еще лучше?!

Ого, кажется, может! Ненасытная фурия в человеческом облики притягивает меня к себе, словно хочет забыться. На этот раз я не сопротивляюсь.

Голова пульсирует от переизбытка информации, эмоции хлещут через край, я теряю способность критически мыслить! Мои чувства спутаны, логика сгинула в недрах сознания.

Ее губы скользят по моей шее, дыхание обжигает кожу. Руки тянутся к моим плечам — медленно находят молнию, стягивают латекс. На спине, вероятнее всего, появляются дразня-

щие царапины. Мы опускаемся к кровати, я перехватываю ее, крепче прижимаю к себе. Ее тело в моих ладонях — живое, горячее, настоящее.

Нежные пальцы поддевают застежку на брюках моего резинового костюма. Он помог мне пережить высоковольтный разряд тока, необходимый для переправки энергии астротуризма назад в космос. Я чувствую, как дыхание Никель становится прерывистым, а движения все более ритмичными.

Глаза — янтарный, заряженный сущностью астротуризма, и серый, унаследованный от земной девочки, — горят пламенем. Она знает, чего хочет. И это не оставляет мне выбора. Ее тело тянется ко мне, все ее существо жаждет близости. Я отвечаю нежностью: мои руки находят ее талию, скользят вверх, ощупывая каждый изгиб. Ее дыхание становится рваным, пальцы срывают с меня пояс.

Мои губы касаются ключицы, оставляют поцелуи на теплой коже. Легкая сорочка уже не выдерживает натяжения и трещит по швам. Я без труда разрываю ее на две половинки, обнажая дрожащее от прикосновений тело. Тонкие руки скользят по моей спине, ногти сильнее впиваются в кожу. Ее дыхание становится глубже, губы приоткрываются, и низкий, чувственный звук срывается с них. Больше никаких преград.

Я нежно провожу ладонями по ее округлостям, затем помогаю раскрыть бедра. Ее кожа покрывается мурашками от чувственных прикосновений. Никель выгибается навстречу, ее движения становятся более резкими. Язык игриво исследует каждый сантиметр моей шеи, пока наши тела сливаются в едином ритме.

Каждое ее касание — вызов, каждый ее стон — награда. Мы теряемся в этом моменте, полностью отдаваясь друг другу. Это не просто близость — это свобода. Это любовь, которую мы пронесли сквозь световые года.

— ТУ-ДЫРЫМ! ТЫ-ДЫРЫМ! ТУ-ДЫРЫМ! — режет тишину знакомая мелодия.

Мы поворачиваем головы в сторону источника звука: прикроватный столик раскачивается из стороны в сторону, будто норовит проломить стену и удрать вниз по больничной лестнице. Я спешно открываю ящик и шарю рукой по его дну. Палату заливают кислотное свечение: «Нокиа 3310» дребезжит так, что кажется, сейчас окончательно расправится с больничной тумбочкой и примется за нас. Экран мерцает почти ядерным свечением, на нем всплывает надпись: *«Вольфрам звонит»*.

— Серьезно?! Этот волчий зад все-таки допёр, как прозвониться сквозь излом в измерении?! — я вскидываю брови.

Космические путешественники, поделитесь со мной своими мыслями! Давайте поболтаем в комментариях##

Оцените главу, нажав на звездочки ##

Глава 6. Депризация близко

Вольфрам не просто тащит меня по коридору межгалактической станции — он владеет мной и каждым моим движением. Я — его собственность. Его хватка жесткая, бескомпромиссная, когти впиваются в кожу так сильно, что я понимаю: если попробую выскользнуть, сорванная с меня шкура достанется ему как трофеем.

Рывок — я теряю равновесие. Он без труда перешвыривает меня из лапы в лапу, толкает в спину. Я едва успеваю переставлять непослушные задние лапки, спотыкаюсь на каждом шагу. Он не дает мне замедлиться. Я чувствую сильный удар в лопатки — меня бросает вперед. Дыхание сбивается, я рефлекторно отшатываюсь, но Вольф с новой силой сдавливает мне плечо. Другая его лапа ложится на мою шею, медленно перекрывая кислород.

Коридор кажется бесконечным, впереди крошечная чернота. Но по мере того как мы продвигаемся вглубь, вдоль стен загораются тонкие, ослепительно яркие неоновые полосы. Они вспыхивают плавно, будто станция не просто освещает нам путь, а сопровождает к месту назначения.

Я не могу понять, это просто автоматическая система или корабль действительно живой. С каждым шагом ощущение тревоги нарастает. Воздух становится холоднее, коридоры сужаются. Мне начинает казаться, что стены вот-вот сомкнутся кольцом и уже не выпустят нас на свободу.

Свет изменяется. Линии аварийного освещения режут темноту обжигающими вспышками, мигают, как сигналы тревоги. Воздух холодит кожу, каждый вдох дается тяжелее. Не от усталости — от ощущения, что кислород здесь дефицитный товар.

— Вольф, отпусти ее! — низкий, угрожающий рык Ланта прокатывается по коридору. Вот теперь в нем действительно проснулся зверь, хотя первое впечатление было совсем иным — дружелюбный хомяк. Не ожидала, что его безмятежный, вечно расслабленный тон способен на подобные метаморфозы.

Лантан и Селен несутся за нами, но коридор, словно подчиняясь воле Вольфрама, создает им преграды. Пол периодически смещается, стены плавно меняют форму, вынуждая моих новых друзей замедляться и балансировать. Расстояние между нами только увеличивается. Ребята хватаются за панели, цепляются пальцами за выступы, пытаются стабилизировать дыхание, но бесполезно — станция играет с ними в кошки-мышки.

— Дай ей время прийти в себя! — кричит Селен.

Пол стремительно меняет угол, Селен отбрасывает назад, но она через силу поднимается.

— Вольф, сверхновая ты ошибка природы! Отключи Синхронный Контур! — Ее голос звенит от напряжения. — Корабль считывает твое поле и подстраивается под состояние! Ты психуешь — станция сходит с ума! Сопротивление судна сжигает энергию ядра, а у нас и так реактор на исходе!

Селен прорывается вперед, и коридор снова отвечает агрессией: с потолка срывается стальная перегородка, целясь прямо ей в голову. Она не успевает среагировать, но Лант оказывается рядом. Он резко подтягивает ее, разворачивает и принимает удар на себя — металл со звонким лязгом отскакивает от его спины.

Лантан жмурится, его уши прижимаются к голове, но он лишь крепче обхватывает Селен, заслоняя ее от новой опасности. Я в ужасе — снова и снова оборачиваюсь, хоть и получаю за это подзатыльники. Но иначе не могу: должна убедиться, что с ними все в порядке! Селен осторожно скользит ладонью по крепкой пушистой спине Ланта, одновременно успокаивая и проверяя, уцелели ли кости.

— Ты в норме? — лепечет она. Пальцы левой руки чуть сильнее сжимаются на его жилете, правой она берет его лапу.

Лантан коротко кивает. Кажется, он избегает взгляда Селен: боится, что она прочтет слабость. Он встряхивается, будто хочет избавиться от ощущения удара, но в его движениях чувствуется скованность. Тело еще не отошло от столкновения с металлом.

— Отставить преследование! — рывкает Вольфрам. — Я — капитан, а вы — рядовые пассажиры «Вектора»! Напомнить вам, что бывает за нарушение субординации на борту?

— Ты не капитан, а астроиИдиот в погонах! — яростно выдыхает Лант. — У нас нет ресурса на твои игры!

Вольф круто тормозит, сдавливает мою кисть и круто разворачивается. Меня швыряет за ним, как мешок с субпродуктами. Я теряю равновесие и врезаюсь в его широкую спину. Мягкую, горячую... Сильную, напряженную... Вольф источает жар, и я хочу прильнуть к нему всем телом...

Что?! Я тут же отшатываюсь, в голове вспыхивает ярость! Ненавижу этого невыносимого ублюдка! Весь мой разум вопит: оттолкни его, вырвись, дай в морду! Но тело... Оно хочет обратного. И это притяжение пугает меня больше, чем неуправляемый хищник в униформе пилота.

Вольф не реагирует на несдержанные оскорбления Селен и Ланта. Кажется, он только сейчас осознает, что станция действительно подстраивается под его эмоции. На мгновение волк замирает, его взгляд впивается в лица сокурсников. Полный напряжения, он считывает их состояние и оценивает нанесенные увечья.

Стоя вплотную, я чувствую, как его сердце колотится. На исполосованной шрамами морде мелькает странное выражение. Тревога, сочувствие? Капитан должен был защищать свой экипаж, а не подвергать опасности.

— Саркома погибает, — хрипло выдыхает он, будто эти слова оставляют ожог в горле. В желтых волчьих глазах скорбная пустота. — Не выдержала обратную инверсию. Без нее энергии на корабле осталось на сорок пять минут.

Его пальцы медленно разжимаются, он приглаживает вздыбившуюся за ушами шерсть и в смятении растирает шею обеими лапами.

— Как только запас окончательно иссякнет, фантомный режим судна деактивируется. Корабль выйдет из фазовой маскировки, и я уже молчу об отключении снабжения систем кислородом и терморегуляцией. Даже если Патронум не засечет нас в первую же секунду, вскоре мы погибнем от удушья и глубокой депривации. Вся надежда была на Никель, был шанс, что она знает, как спасти саркому. Но вместо нее на борт проникла самозванка.

У Селен подгибаются колени, и она прислоняется спиной к холодной стене, все еще не выпуская из рук лапу Ланта. Я вижу, что Селен слишком часто моргает, будто пытается удержать слезы, но обильная влага уже блестит на ресницах.

Плечи Лантана напряжены, уши прижаты к голове. Он даже не смотрит на нас — взгляд упирается в пол, и я не уверена, что он вообще хоть что-то различает перед собой. Обреченность не захлестывает с головой, не сбивает с ног — она просто оседает внутри, тяжелая и неотвратимая.

Конечно же, у ребят паника. Они в первый раз умирают — кто ж их осудит? Не у всех в запасе есть десятилетие на осознание неизбежного. Для большинства мысль о собственной смерти — это что-то далекое, абстрактное, возможное только в теории. А вот у меня практика! Поэтому никакой суеты — только холодный расчет.

— Сколько пассажиров на борту? — выдаю я, внезапно даже для себя.

Для тех, кто хочет познакомиться ближе, у меня есть уютный тг-канал:
paloma_oklahoma / Палома, не выходи из дома

Глава 7. Солнечная корона

— С тобой сто шестнадцать, — с раздражением отвечает капитан. Он сам не верит в то, что вступил в диалог с несмысленной обузой.

— В Академии есть зал, способный вместить всех разом?

— Конечно! — откликается на спонтанный мозговой штурм Лант. — Купол горизонтов!

— Значит, надо собрать всех там, — решаюсь я продолжить ход своих мыслей, — перекрыть подачу кислорода и терморегуляции по всему кораблю, кроме купола, центра управления и места, где вы держите саркому. Это поможет нам сохранить запас...

— Времени? — Вольфрам саркастично перебивает меня и скрещивает руки на груди.

Он смотрит так, будто я предложила оплатить наши похороны кешбэком, а не высказала разумную мысль в тот момент, когда все впали в ступор.

— Великолепно. Просто охренительно. Вот и все наше стратегическое преимущество — сдохнуть на пятнадцать минут позже, — цедит Вольф.

— Нет, — я выдыхаю, — высвободить энергию. Правильно я понимаю, что именно она нужна для взаимодействия с Землей? Как вы поддерживаете связь?

— Квазисингулярный коммуникатор, — отчеканивает Селен. — Энергии, которую мы высвободим, сэкономяв кислород, хватит на одну сессию! Если повезет, свяжемся с Борием — он провел на Земле пять лет и сейчас лучше других понимает особенности саркомы. Если выход существует, он его найдет.

— Звучит как план! — Я сжимаю кулаки. — А меня проводите к саркоме!

— Еще чего, залетная! — Вольф одергивает меня, заламывает мне руки за спину и наклоняет вперед. — Откуда нам знать, что ты не шпионка Патронума?

Я вздрагиваю, когда его бедро прижимается к моим формам. Его напряженный, теплый торс не дает мне двинуться ни вперед, ни назад. Я в ловушке. Разум цепляется за мысль, что нужно вырваться, но тело не хочет: слишком приятно ощущать его близость.

Что-то холодное касается моих запястий. В следующую секунду пальцы немеют, будто меня обмотали кабельными стяжками. Я пытаюсь выпутаться, но руки тут же смыкаются плотнее.

— Это... Что еще за... — воплю я, но Вольф только ухмыляется с каким-то злорадным удовольствием.

— Кинетические кандалы. Энергетическая конструкция, которая адаптируется под движения. Никакого дискомфорта — просто силовое поле, которое удерживает тебя точно в заданной позиции. Любой студент «Вектора» знает, что это. — Волчью морду искажает оскал.

Что-то холодное обхватывает шею, и по коже пробегает неприятный разряд, будто меня окутало статическим электричеством. Я вижу, как вспыхивает полоса света, она освещает мой мех. Оковы на запястьях соединяются с взявшимся из ниоткуда ошейником, и я понимаю, что теперь даже повернуть голову нормально не могу.

— Ты серьезно?! — хриплю я. — Руки, знаешь ли, пригодятся, когда будем спасаться от штурмовиков Патронума!

— Будь хорошей девочкой и не испытывай мое терпение, — фыркает Вольф, отвечивая мне легкий, но совершенно бесцеремонный подзатыльник.

Прекрасно. Нет, даже идеально! Обездвижить меня в тот момент, когда станция находится на пороге крушения или еще хуже — захвата астрофурий Патронумом. Гений плеши-вый!

Вольфрам рывком снимает с кобуры не просто рацию, а сложное устройство, судя по всему, напрямую соединенное с командной частью корабля. Оно напоминает изогнутую пластину, гладкую, будто стеклянную, но прочную, как карбон, с тусклым голубым свечением по

краям. При каждом движении световые линии слегка мерцают, реагируя на касания. Достаточно провести по сенсору, и импульс связи достигнет адресата мгновенно. Вольф прижимает пластину к пасти.

— Кабина, прием! Передай по громкоговорителю: всем учащимся немедленно следовать в купол горизонтов! Времени — десять минут! Повторяю: десять минут! После этого останавливай подачу кислорода во всех отсеках, кроме купола, центра управления и медлаборатории. Исполнять!

Второй пилот мгновенно принимает указания. Я понимаю это, потому что станция оживает: раздается надрывный вой тревожной сирены — звук, от которого вибрирует даже воздух. Из динамиков по всему кораблю разносится голос бортового искусственного интеллекта — металлический, бесстрастный, с искаженным эхом.

— Внимание! Экстренная эвакуация в купол горизонтов! Повторяю, экстренная эвакуация! Действуем по протоколу, как на учениях — быстро, четко, без паники. Время до герметизации отсеков и прекращения подачи кислорода — девять минут сорок секунд...

Мы вчетвером бросаемся вперед, топот наших ног сливается с нарастающим шумом, доносящимся со всех сторон. Мне тяжело балансировать со связанными передними лапами.

За стенами корабля оживает гул: студенты, покинувшие аудитории и спальни, спешно продвигаются к куполу. Металлические перекрытия передают дрожь от множества шагов, лестничные модули переключаются в режим быстрого подъема, а автоматические двери со щелчками раздвигаются перед бегущими. На палубах и в технических отсеках перекрываются ненужные коридоры, направляя толпу по самому безопасному маршруту.

— Лант, бери на себя эвакуацию, — отдает приказ Вольф, не замедляя шаг. — Убедись, что все добрались до купола. С тобой в зале должно оказаться сто двенадцать учащихся: без меня, Ботаника, Штурмана, Селен и этой Ушастой бестии.

— Сделаю, — коротко отвечает Лант и, не дожидаясь уточнений, сворачивает в боковой проход, где уже мелькают фигуры студентов.

— Второй пилот остается в кабине, держим связь, — кричит ему вслед капитан.

Из динамиков повторно раздается прерывистый голос, докладывающий об обновлении параметров энергополя и оставшемся времени на эвакуацию.

Мы несемся дальше, каждый шаг дается с усилием. Плечи затекают, спина ноет — связанным рукам некуда деться, кроме как давить на шею. Стоит резко дернуться вперед, и петля стягивается сильнее, не давая нормально дышать. Я сгибаюсь, пытаюсь хоть как-то распределить вес, но каждый рывок только усиливает дискомфорт.

Впереди уже маячит медицинский отсек — я узнаю его по привычным указателям с зеленым крестом. Мы сворачиваем в небольшой обзорный сектор перед лабораторией. За стеклом кипит работа: беглые тени, быстрые движения. Холодный свет ламп выхватывает бледные лица, сжатые губы, напряженные взгляды. Приборы на мониторах мигают тревожными сигналами, ассистенты мечутся между установками, подключая новые датчики.

Селен прилипает к прозрачной перегородке, чуть не впечатываясь в нее носом. Я полагаюсь сбоку, руки, все еще стянутые позади, сводит судорогами. Внутри лаборатории все выглядит одновременно хаотично и пугающе слаженно.

— Наш медицинский гуру, — выдыхает Селен. — Человек, от которого ты не услышишь «само пройдет» или «вскрытие покажет». Для своих — просто Рад. Радий.

Я замечаю, как ее пальцы непроизвольно теребят край рукава, будто ей хочется занять руки, чтобы не думать о чем-то волнительном.

— Его терпение бесконечно, а вот чувство самосохранения — под вопросом. Он сутками торчит в лаборатории, натывается на стены, когда задумается, и разговаривает сам с собой, потому что никто другой уже не поспевает за его мыслями, — завороченно шепчет она.

Я замечаю, как Селен кокетливо накручивает прядь волос на палец. В глазах вспыхивает что-то похожее на восхищение, но она тут же моргает, словно пытаясь прогнать ненужные мысли.

Радия действительно видно сразу. Среди блеклых халатов он выглядит как сбежавший из другого измерения сумасшедший ученый. Недлинные волосы рубинового цвета взъерошены так, будто он третий день не выходил из лаборатории. Очки съехали на переносицу, взгляд блуждает по настройкам планшета, а губы беззвучно повторяют какие-то формулы. Он худой, высокий, с острой линией скул и сосредоточенным выражением лица. Если честно, кажется, я видела его раньше! Это ж крашенный Шурик из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию»! Ничего себе смена имиджа!

— Ходячая энциклопедия, — фыркает Вольф. — Он возглавляет экстренную операцию по стабилизации саркомы.

Саркома! Моя Пухля!

В центре лаборатории расположена прозрачная камера, наполненная жидким светом. Вероятно, она должна поддерживать стабильность энергополя, которое неровно пульсирует, будто умирающий маяк. Внутри, в вязкой субстанции, размещена обмякшая Пухля. Маленькое доброе существо.

Я никогда не видела ее и не знаю, как она должна выглядеть. Но мне понятно одно: она умирает.

Существо соткано из мягкого свечения. Ее маленькое одутловатое тельце тускло переливается пастельными оттенками. Но, кажется, оно больше не излучает тепла.

Пухля свернулась клубочком и совсем не шевелится, только маленькие лапки прижимаются к прозрачным стенкам, будто она из последних сил держится за этот мир. Ее внутренний свет медленно угасает.

Я не вижу крошечных глаз, тем не менее чувствую, как Пухля смотрит на меня.

Едва заметное мерцание пробегает по ее телу, и мне кажется, что так она приветствует меня! В последний раз сигнализирует, что рада видеть!

Ее время почти истекло.

— Еще немного, и ее энергетический каркас окончательно разрушится. — Радий выходит навстречу, разблокировав сенсорные двери. Он говорит ровно, но я вижу, как у него трясутся губы. — Вольфрам, мне отдать приказ на эвакуацию ассистентов лаборатории? Я придержал их, чтобы закончить корректировку параметров стабилизации.

— Да, — коротко отвечает пилот.

Рад кивает и проводит ладонью по сенсору. В тот же момент тревожный сигнал разлетается по лаборатории, ассистенты замирают. Несколько секунд студенты не двигаются, никто не хочет первым покинуть отсек.

— Эвакуация в купол, — тихо повторяет Рад.

Медики молча переглядываются. Один из них — грациозный, но сильно истощенный гепард в хирургической униформе — в последний раз бросает уставший взгляд на капсулу, где мерцает угасающий силуэт Пухли. На его морде проскальзывает выражение глубокой тоски — жест скорби, который он не успевает спрятать.

— Прости, малыш, — бормочет он так тихо, что его почти не слышно.

Девушка рядом с ним сжимает кулаки, ее плечи вздрагивают, но она ничего не говорит, она обхватывает гепарда за плечи, стараясь бодриться. Кто-то опускает голову, кто-то задерживается на пару секунд, будто надеется, что вот-вот случится чудо.

Но этого не происходит.

— Квасисингулярный коммуникатор у тебя? — Вольф расталкивает эвакуирующихся ассистентов, заходит в лабораторию и вновь обращается к Раду.

— Не расстаюсь с ним с того дня, как Борий собрал его и вручил мне на хранение. — Очкарик вытаскивает из кармана прямоугольный предмет.

Что это? Пейджер, что ли? Я такие только в кино про врачей видела.

— У лаборатории есть доступ к ядру? — и так зная ответ, уточняет Вольф.

— Естественно. Сможем создать сессию, как только высвободится лишняя энергия. Я сразу понял твой план! — Радий даже чуть воодушевляется. — Сэкономим на подаче кислорода и терморегуляции, чтобы сделать последний звонок другу. Ты молодец! Хороший прощальный маневр, Вольф!

Вольфрам ухмыляется, принимает лавры как должное и даже не глядит в мою сторону. В моих висках пульсирует негодование. Нет, черт возьми, ну хоть бы усом повел, что ли. Псина лохматая...

— Мда... Корона не жмет? — особо не раздумывая, бросаю я с сарказмом.

Тишина накрывает лабораторию резко, словно удар обухом по черепу. Я замечаю это не сразу — в голове все еще звенит эхом собственный голос.

Никто не смеется над «земной» шуткой. Никто даже не дышит.

Селен застывает. Ее губы приоткрываются, но она не издает ни звука. Лицо теряет краску, вся кровь разом уходит из него. Радий моргает дважды, его пальцы судорожно сжимают планшет, и я слышу, как он делает короткий неглубокий вдох — пытается подобрать слова, но не находит подходящих.

Вольф... просто смотрит. Без ухмылки. Без насмешки. Без привычной злости. Как будто измеряет меня: взглядом взвешивает каждую молекулу. Застывшие в проходе лаборанты округляют глаза и ахают в один голос.

— Вам отдали приказ на эвакуацию. Живо! — ревет на них Вольф.

Один за другим студенты спешно ломятся прочь из исследовательского модуля, их шаги хаотично разлетаются по коридору.

Вольф ловит добродушного гепарда за локоть. Пятнистый хвост нервно дергается, уши прижаты. Капитан тянет его ближе и коротко шепчет что-то на ухо. Гепард сначала хмурится, а затем медленно переводит взгляд на меня. В глазах вспыхивает тревога, он колеблется, но в итоге покорно кивает.

Внимание Радия сосредоточено на панели управления капсулой: меркнет последний луч света, исходящий от Пухли.

Тишина растягивается, словно сама лаборатория затаила дыхание. В молчании проходит несколько минут. Я уже прикусила язык и больше не высовываюсь.

— Лантан, прием! Сколько учащихся в куполе? — достает рацию Вольфрам.

— Прием. Сто одиннадцать. Одного не хватает. Только что подошли медики, говорят, ты оставил курсанта.

— Верно. Закрывай шлюзы. Конец связи. — Вольф меняет частоту рации. — Штурман, прием?

— На связи.

— Все на базах. Через пять минут глушим подачу кислорода.

— Принято.

Вольф резко разворачивается в сторону гепарда и щурится. Огромный кот принимает защитную стойку, его короткая шерсть встает дыбом, хвост становится трубой.

— Эй, пятнистый. Правда говорят, что ты бегаешь быстрее всех?

Гепард вскидывает брови, но не отвечает.

— У тебя пять минут, чтобы выкинуть ушастую шпионку в открытый космос и вернуться в лабораторию, пока я не задраю шлюзы. Это приказ, время пошло!

Хирургическая палата взрывается хаосом. Все происходит, словно в замедлении. Селен, обуреваемая сомнениями, все же бросается на мою защиту. Ее короткие волосы растрепаны, глаза сверкают бешенством. Вольф перехватывает ее, удерживая без особых усилий. Радий тут же оказывается рядом, его речь сдержанная, обоснованная. Он давит логикой, а не силой, пытается посмотреть на ситуацию под другим углом.

Вольф даже не моргает. Его взгляд приковывается к гепарду в ожидании исполнения приказа. Тот застывает, втягивает голову в плечи. Уши прижимаются, мышцы ходят ходуном. Страх читается в его облике: он боится послушаться, понимает, что не получит место в отсеке с кислородом.

Мгновение, и мой мир в который раз переворачивается вверх тормашками. Воздух выбивается из легких, голова идет кругом, острые когти гепарда больно впиваются в живот. Кот перекидывает меня через плечо. В последний раз мой взгляд цепляется за биоотсек: в стерильной капсуле заточена моя беспомощная Пухля. Я не могу отчетливо ее видеть, но мне кажется, что маленькие лапки из последних сил тянутся ко мне.

Все вокруг превращается в череду размытых вспышек: гудящие мониторы, световые индикаторы, тревожные сигналы. Шаги сотрясают пол, дыхание спринтера сбивается. Пятнистый надзиратель достигает выходного шлюза и тянется к магнитному пропуску. Одно нажатие на рычаг, и открытый космос встретит меня распростертыми объятиями.

Космические путешественники, поделитесь со мной своими мыслями! Давайте поболтаем в комментариях##

Оцените главу, нажав на звездочки ##

Глава 8. Смывайся!

Боря

— ТУ-ДЫРЫМ! ТЫ-ДЫРЫМ! ТУ-ДЫРЫМ!

В комнате еще держится жар, но я все равно заворачиваю Никель в простыню. Ее сорочка разорвана в клочья, и я помню, чьих это рук дело.

Она даже не замечает. Пальцы дрожат, когда она торопливо собирает волосы в узел и тянется к антикварной «Нокии». Телефон дребезжит, как перегруженный реактор, а наш уютный мираж растворяется так же легко, как и появился.

Нам больше не до шуток. Сигнал прорывается сквозь излом пространства, разрывает вакуум, пересекает миллионы световых лет и жадно пожирает последние крохи энергии ядра «Хаос-Вектора».

Мне ли не знать. Я сам разработал этот способ связи. Сам придумал, как пересечь пропасть между галактиками, как обмануть световые года. Если саркома не перенесла инверсию — это прощальный зов умирающей станции.

Напряжение нарастает. Никель выхватывает сотовый из моих рук, но ее пальцы дрожат так сильно, что аппарат выскальзывает. Я ловлю трубку за секунду до того, как она успевает проломить больничный кафель. Никель делает судорожный вдох. Веки опущены, губы пересохли. Она боится? Не хочет слышать то, что скажут на другом конце? Или что-то еще?

Я нажимаю на кнопку и протягиваю ей телефон.

— Прием... — Голос Никель ломается, она на грани нервного срыва. В шепоте таится отчаяние.

Вольф отчеканивает жестко, без эмоций, не расщедриваясь на предисловия. Я слышу его рев сквозь динамики:

— Никель... Ты цела... Хорошо! Ядро держится на последних резервах. У нас двадцать минут. Саркома почти погибла.

Никель вцепляется в трубку так, будто от хватки зависит ее собственная жизнь.

— Радишь там? Он провел стабилизацию плазменного потока? Проверил уровень электромагнитного резонанса в капсуле?

— Он перепробовал все. Структура саркомы распадается.

Никель крепче сжимает губы, по лицу пробегает смятение.

— А синаптический отклик? Он провел синхронизацию через нейроканалы?

В трубке тишина, Вольф переговаривается с Радием.

— Синаптическая активность сразу была на нуле.

Сердце в моей груди сжимается. Я не хочу верить в то, что мы проиграли.

— Но она еще дышит, Вольф? — не сдается Никель.

— Это последние вдохи. Я не знаю, что делать. — Голос Вольфа звучит так, словно каждое слово царапает горло изнутри. — Мы хотим отдать честь. Спасибо за все, что вы сделали для корабля.

Никель вскакивает так резко, что простыня летит на пол. Язык ее тела подсказывает: она ошеломлена.

— Значит, бывшим звонят не только когда выпьют, но и перед смертью? — Пытается шутить, но в ее голосе отсутствуют эмоции, он трещит, как короткое замыкание.

Я знаю, какой Никель может быть — упрямой, негибкой, не приемлющей поражения. Она никогда не подчиняется обстоятельствам — она ими управляет. Сейчас бросит вызов не только Вольфу, но и всему чертову космосу. Она выкрутится, запитает корабль своей собственной энергией, если будет нужно!

Но этого не происходит. Я вижу, как к ее горлу подступает непроходящий ком. Принятие? Вот чувство, которого я не ожидал увидеть на ее лице.

Стоп, сейчас не время для слабостей!

— Что-то не позволяет саркоме адаптироваться к новым условиям, — я беру все в свои руки и начинаю рассуждать.

Никель замирает, в комнате становится тихо. В ее глазах появляется тень потрясения. Напряжение, которое я не сразу могу разгадать.

Но мой мозг уже не остановить: мысль за мыслью, шаг за шагом я раскладываю проблему на части, перебираю возможные решения. Одни гипотезы вспыхивают и исчезают, другие накладываются друг на друга, образуя логическую цепочку.

И вот пазл собирается в единое целое. Мои пальцы судорожно сжимаются, сердце делает кульбит, а цепи нейронов ускоряют передачу импульсов. Я вижу выход! Один. Единственный. Верный.

— Ну конечно! Адаптироваться! — Я выхватываю у ошолобеневшей Никель трубку. — Вольф, быстро! Саркома синхронизировалась с душой Николь, земной девочки! Это кармическое сопряжение — обмен энергиями, при котором два существа, каждое со своими уникальными характеристиками, начинают работать в унисон, создавая баланс, необходимый для поддержания жизненных процессов. Все просто как дважды два! Пусть земная девочка прикоснется к саркоме! Где Ника? Она уцелела?

— Шпионку, что завладела телом Никель и скандировала лозунги Патронума, я слил в открытый космос.

— О чем ты, Вольфрам?! Что она сказала?

— Спросила, не *жмет* ли мне *корона*. Ты знаешь девиз врага: «Лишь тот, кто *прожал* солнечную *корону*, способен создать новое светило».

— Вольф! Слушай, впервые в жизни догадался смыть за собой — и выбрал самый неподходящий момент! Это земная поговорка, дурень ты лохматый!

Для тех, кто хочет познакомиться ближе, у меня есть уютный тг-канал:

paloma_oklahoma / Палома, не выходи из дома

Глава 9. O₂

Открытый космос вот-вот распахнет передо мной свои ледяные объятия. Вакуум — это не просто отсутствие воздуха, это физическая пустота, в которой кровь закипает, а легкие схлопываются за секунды.

Гепард не швыряет меня на пол, не толкает — он аккуратно опускает меня, будто действительно понимает, что в его руках не астрофурия, а всего лишь хрупкий человек.

Его голографический пропуск легко синхронизируется со сканером, створки со скрежежом разъезжаются, и перед нами распаивается секция с оборудованием. Пятнистый кот снимает с меня кандалы и принимается методично перебирать инвентарь. Он сосредоточенно оценивает техническое состояние каждого скафандра, прежде чем без лишних эмоций извлечь из хранилища один.

— Давай, надевай. Времени нет!

Я вцепляюсь в край шлюзовой камеры.

— Ты же не всерьез собираешься выбросить меня за борт?!

— Скажи спасибо, что в скафандре. Давай не проверять, что закончится быстрее: ресурсы корабля или мой энтузиазм тебя спасти. У тебя будет баллон. Когда явится Патронум, тебя подберут на транспортник, а как спастись оттуда — это уже завтрашняя проблема.

— Да уж, звучит обнадеживающе.

Я хватаю скафандр, разворачиваю его и пытаюсь понять, с чего начать. Логично — с ног. Вставляю одну, но понимаю, что держу костюм задом наперед. Черт. Переворачиваю. Теперь руки. Запихиваю ладонь в перчатку, но суставы застревают в жестких фиксаторах.

— Ты что, бороться с ним собираешься? — Гепард спешно застегивает на мне ботинки для внекорабельной деятельности.

Я сжимаю зубы, выдергиваю руку и пробую снова. Перчатка встает на место, но застежка не фиксируется. Дергаю с силой — защелка клацает, и я чуть не ломаю себе палец.

Ладно, дальше шлем. Поднимаю его, аккуратно надеваю, но когда пробую закрепить фиксатор, он не реагирует. Давлю сильнее — ничего.

— Почему он не закрывается?!

— Неужели придется провести тебе экспресс-курс «Как стать астронавтом без вложений»?

— Не хочу тебя расстраивать, но этот курс уже звучит как провал.

Гепард хватается за шлем, разворачивает его и нажимает на кнопку с обратной стороны. Раздается легкий щелчок.

— Мне страшно, — безжизненно шепчу. Я полностью обмундирована, и только теперь осознаю, что все происходит по-настоящему. Сейчас меня вытолкнут за борт. За этой перегородкой — холодная пустота, место, где не работают права человека.

— Выдыхай. В открытом космосе паниковать бессмысленно. Никто не услышит твой крик.

Гепард делает несколько быстрых движений, и что-то щелкает у меня за спиной. Я чувствую легкое натяжение — к скафандру подсоединяется страховочный трос. Надежная лента из кевлара и углеродного волокна закреплена на поясе. Хорошо, что пятнистый хищник не поспешил на благотворительность и выдал мне этот костюм.

Пропуск вновь касается сканера. Раздается короткий сигнал, и панель шлюза оживает. Гигантский кот вводит команду на сенсорном экране — окно в пустоту загружается по всем протоколам безопасности, чтобы мое тело случайно не впечаталось в корпус при разгерметизации.

Я делаю глубокий вдох. Вряд ли он поможет, но привычка — великая сила.

Гепард стоит напротив, не двигаясь. Мы молча смотрим друг на друга. Он держит лапу на панели управления, но не торопится нажимать финальную кнопку.

— Как тебя зовут? — выдаю я, прежде чем шлюз окончательно отрежет нас друг от друга.

Гепард замирает. Его уши чуть прижимаются, а брови еле заметно сходятся к переносице, образуя умильную кошачью мордочку. Я смотрю в его добрые глаза и осознаю: он не просто послушался приказа, он подарил мне шанс.

— Кислород.

Улыбаюсь.

— Тогда я буду называть тебя Кис.

Уголки его губ вздрагивают — не улыбка, но что-то близкое. В последний момент он делает почти незаметное движение лапой, словно отдает честь.

Пятнистый палец касается панели.

Космические путешественники, поделитесь со мной своими мыслями! Давайте поболтаем в комментариях##

Оцените главу, нажав на звездочки ##

Глава 10. Мой личный сорт адреналина

Шлюз открывается, и меня выталкивает в бесконечность. Я ожидаю мрак, пустоту, ледяную тишину, но Каппа-Зенит раскрывается передо мной во всем своем великолепии. Космос переливается, дышит, сияет миллиардами оттенков.

Причудливые миры на дальних орбитах невелики. Они едва ли превышают по площади крупные мегаполисы: представьте Москву с нестабильной гравитацией и чуть разреженной атмосферой. Планеты словно сотканы из живой субстанции, а их поверхности хранят следы древних катаклизмов.

Вдалеке огненно-алый шар окутан кольцами ледяных обломков, которые мерцают, будто рассыпанные в темноте драгоценности. Чуть ближе — изумрудная планета; ее разреженная атмосфера рассеивает свет, создавая иллюзию мягкого ворсистого покрытия. Рядом с ней — гладкая зеркальная сфера. Она отражает звездное свечение, но не пропускает его внутрь, оставаясь холодной и непроницаемой.

Но это всего лишь фон — живой, величественный, безразмерный. И среди него — я. Маленькая, зависшая в пустоте пушистая точка.

Больше всего мой взгляд притягивает небесное тело, изрезанное хаотичными полосами белого и черного. Возможно, это тектонические разломы или следы застывших потоков лавы, но на фоне ярких планет оно выглядит почти чужеродно. Чистый контраст, будто кто-то оставил в этом красочном хаосе монохромный кадр. Она напоминает мне старую, потрепанную временем фотографию. Единственный черно-белый снимок в мамином альбоме.

Я никогда не думала, что мне будет не хватать ее снимков — простых, бытовых моментов, которые я никогда не считала важными. Вся семья в сборе: мама, как всегда, поправляет мне юбку, папа украдкой ставит брату рожки, а тот картинно закатывает глаза. Я вспоминаю, как раздражалась на эти сценки, как отмахивалась от просьб сфотографироваться. А теперь отдала бы все, чтобы в последний раз пролистать альбом вместе с мамой.

Я поворачиваю голову, и сердце сжимается.

Академия. Она погрузилась во тьму. Экранные панели потухли, резервные батареи исчерпаны, силовые линии больше не пульсируют энергией. Огромный корпус дрейфует в космосе, недвижимый и пустой. За иллюминаторами сплошная чернота, ни проблеска огня, ни следа движения. Внутри — темные коридоры, мертвые системы, последний воздух, который с каждой секундой все сильнее остывает.

Там, в самом большом зале, прижавшись друг к другу, сидят студенты. Сто человек: выдающиеся умы, храбрые сердца. Они ждут чуда и надеются, что это еще не конец.

Наверное, кто-то просто молчит, сжав кулаки, кто-то нервно проводит в уме расчеты, кто-то прикрывает глаза, стараясь не думать о том, сколько времени у них осталось. Они тревожно перешептываются и нежно обнимают друг друга. Наверное.

Волнение накрывает меня резко, как удар током. Я задыхаюсь, хотя знаю, что кислорода пока достаточно. Легкие сжимаются, руки дрожат, пальцы судорожно стискивают систему регулировки давления. Паника убьет меня быстрее вакуума! Надо взять себя в руки. Дышать ровно. Дышать. Сотня студентов ждет своего конца в сердце «Хаос-Вектора», сбившись в кучку. Им тоже страшно, но они хотя бы есть друг у друга. А я... Я одна в этом бесконечном, холодном космосе.

Рывок. Меня тащит назад. Я с трудом переворачиваюсь и вижу, как резервный баллон кислорода медленно отплывает в сторону.

Нет, нет, нет. Он не должен был отсоединиться! Как я могла это допустить?

Паника в невесомости — это не просто потеря контроля, это цепная реакция, которая приводит к самым нежелательным последствиям. Только сейчас я понимаю: встроенная в шлем система управления реагирует на движение глазных мышц астрофурии. Технология разработана для ситуаций, когда манипуляции ограничены или невозможны. Сенсоры фиксируют направление взгляда, анализируют заданные траектории и активируют команды, полностью заменяя тактильный ввод. В экстренных ситуациях это спасает жизнь. Но не в моем случае, я-то человек, оказавшийся в чужом теле. Мои непроизвольные рефлексy обманули бортовой компьютер. Беспорядочное сочетание направлений — вверх, влево, — короткая фиксация, резкий скачок вниз, и система распознает код экстренной замены кислородного блока. Теперь понятно, откуда на дисплее маячит иконка сброса.

Тяну руку, пальцы почти касаются металла, но едва ощутимый толчок — и баллон уплывает дальше. Любое движение в невесомости отзывается для новичка непредсказуемыми последствиями. Закон сохранения импульса, проклятие Ньютона. Я застываю без движения в надежде стабилизироваться.

Смотрю на страховочный трос. Он — последнее, что соединяет меня с кораблем. Если я его сброшу, меня ждет свобода, но не слишком ли громкое это слово для шага в ледяное забвение? Ученые судачат: во Вселенной нет ни начала, ни конца. А я теперь, как никто другой, знаю: наше появление на картине мироздания, как и перевоплощение из одной формы в другую, — это бесконечный путь в неизвестность.

Вскрываю предохранитель, отпускаю страховку. Крепление размыкается, и теперь я зависаю в вакууме, свободная, но совершенно беспомощная. Баллон все еще дрейфует прочь.

Я толкаюсь, но невесомость делает движения бессмысленными. Любой резкий рывок порождает отдачу, и меня уносит назад. Я сжимаю зубы, напрягаю мышцы, вспоминаю теорию. Контролировать движение в вакууме — не инстинкт, а расчет. Если двигаться слишком импульсивно, можно пролететь мимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.